

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ СПУСТЯ ГОД

Валерий Нестеров,
министр общего
и профессионального
образования
Свердловской
области

С октября 2005 года до времени, когда я пишу эту статью, и прошло-то всего немногим больше года, а вспомнить, какие мысли рождались по поводу объявленных приоритетных национальных проектов уже, сложно: так много было разных вводных указаний, приказов, а главное — отчёты, отчёты... Что-то писали вполне искренне, с пониманием дела, а что-то, конечно, «высасывали из пальца», потому что тем, кто запрашивал, очень хотелось результата чуть ли не «завтра с утра». Но это не главное. Для красного словца можно бы, конечно, написать, что первой мыслью было: вот опять в очередной раз очередной проект, новая концепция, мы уже со счёта сбились за последние «...цать» лет — столько их было, этих концепций и проектов... Но это была бы неправда. Всё-таки первое, о чём я подумал тогда: **как точно определены четыре самые болевые точки — здоровье, образование, сельское хозяйство (значит — продовольствие) и жильё.** Даже то, что проект «Здоровье» был поставлен первым, не вызывало раздражения: это правильно, потому что это — главное. За долгие годы работы и участия в формировании областного бюджета ни разу даже вопроса не задавал: «Почему на здравоохранение больше, чем на образование?». Сентенция, конечно, но ведь в ней — истина: только здоровый и образованный народ дееспособен. Именно в таком порядке. Более того, скажу: развитое здравоохранение — одно из основополагающих условий достижения качественного образования и образованности. А уж когда мы доживём до здоровьесберегающего образования, а образованность станет определённой гарантией здорового образа жизни, главной ценностью человека, тогда наступит эра не только педагогического, но и социального благоденствия.

Второе, о чём я тогда подумал: сам-то я, может быть, и не с этого начал бы в первую очередь, избрал бы несколько другие направления. Но слава Богу, что закончился период общего «трёпа» вроде «усилить», «совершенствовать», «развивать» и прочих ни к чему не обязывающих призывов. Всё было предельно конкретно: поощрения заслуживают классный руководитель, как самый близкий ребёнку человек в школе, учитель-творец, который, конечно, всегда ощущал некую внутреннюю обиду, которую, может, никогда и не проявлял внешне, но страдал рядом с холодными «урокодателями», труд которых оценивался так же, как и его труд. Достоин поощрения и образовательное учреждение, проявляющее искреннюю заботу о своих учениках, ищущее для них лучшей доли, добивающееся того, что формально называется качественным образованием, а на самом деле означает, что детей учат самоанализу, самооценке, самоконтролю и самообразованию, т.е. высокой степени адаптированности к миру, компетентности. И, наконец, проект ставил задачу — решить насущные проблемы в масштабе страны: оснастить образовательный процесс на уровне современных технических возможностей.

Не скрою: была и тревога, вполне понятная, даже страх — вдруг опять всё «уйдёт в песок», а люди (учителя, родители, учащиеся) останутся, что называется, «при своих интересах» и надо будет смотреть им в глаза, и, опустив свои очи долу, что-то объяснять. Тем более на первом этапе (чего уж греха таить?) степень доверия в учительской среде к объявленному проекту была не слишком высокой. Многообразный печальный опыт соприкосновения с «пролетающей над Парижем фанерой» сильно сдерживал эмоции. Да и, сказать по совести, начало процесса реализации проекта было мало обнадеживающим: времени в обрез, официальных документов нет, из разных источников

Сегодня этих миллионов в кармане школ уже нет. Школы их с большим удовольствием и пользой потратили и обрели многое из того, что хотели, о чём мечтали. У нас, к примеру, одна школа с большими трудностями (долго не было участников конкурсных торгов), но приобрела-таки рояль. Некоторые скептически говорили: «Да что такое, зачем им рояль — не самая ведь необходимая вещь?!». А им «вынь да положь» этот рояль! И дай им Бог играть на нём долго-долго...

Несколько замечаний относительно финансовых поощрений всё же хотел бы сделать. Во-первых, **выдавать деньги надо значительно раньше**, а то времени на конкурсные торги остаётся очень мало и есть опасность вернуть их в бюджет... Во-вторых, перечень того, что можно купить на этот миллион, **совпадает с тем, что разрешается приобретать по субвенции**. Надо бы это как-то развести. И ещё: когда нас спрашивают в отчётах, на что школы истратили деньги, — это нормально. Но вот вопрос о том, на что истратили свои личные премии учителя-победители, это, мягко говоря, не деликатно, бестактно. Это ведь по существу **премия Президента лично человеку**. Мы же не спрашиваем у остальных: куда люди тратят свои зарплаты, премии, а тут... По-людски это?

Хорошо бы также правительству задуматься и вот над чем. Школам разрешено расходовать грант на повышение квалификации учителей. Но деньги поступают в образовательное учреждение как раз тогда, когда начинается учебный год, а вскоре осенние каникулы, у нас это праздники, на зимних каникулах — всеобщие праздники. У учителей просто нет времени для участия в курсах и образовательных программах повышения квалификации. **Прошу Правительство России разрешить школам сохранять эти деньги до летних каникул следующего финансового года**. Это многократно поможет доброму делу и избавит школы от лихорадочной траты средств на первые попавшиеся по времени курсы.

Что касается направления, связанного с подключением образовательных учреждений к системе Интернет, то оно осуществляется под неусыпным оком Россвязьнадзора и его реализация не вызывает вопросов и сомнений.

Сомнения вызывают другие обстоятельства. Трижды прав Президент РФ, который говорил о необходимости существенно повысить качество образования, о том, что и само наше образование, и люди, получившие его, должны быть конкурентоспособны и в стране, и в мире. Кое-кто «подсуетился» по этому поводу и всерьёз спрашивает: «Ну, как изменилось качество?». Хочется в ответ спросить: с чего это вдруг? Я продолжаю настаивать на том, что **нашим концептуальным документам в области содержания образования, образовательных технологий не хватает серьёзного научного обоснования, равно как и экспериментам**. Где Государственный образовательный стандарт общего образования РФ? Где чёткие критерии качества? Где научное обоснование оптимального содержания образования? С каким-то непонятным упорством продолжаем реализовывать идею ЕГЭ, как панацею. Конечно, надо проверять результаты, только результаты чего? Приоритетный национальный проект должен бы зиждиться на чётко сформулированных целях для разных ступеней образования. Должно быть понятно: мы делаем это для того, чтобы получить вот такой результат, мы используем такие инструменты и методики, потому что... Несolidно для России столько времени существовать в сфере образования в сплошных метаниях. Вроде бы всё время говорим об образовании, а на самом деле практически — только о высшем, даже когда обсуждаем дошкольное и общее школьное образование. Кто может объяснить: почему в нашей области студентов в вузах двести тысяч, в учреждениях среднего профессионального — перевалило за сто, а в профучилищах — едва-едва пятьдесят тысяч? Это экономике нужно? Рынку труда? В области количество безработных и количество вакансий одинаково, количество вакансий — даже больше. А среди безработных львиная доля — люди с высшим образованием. **Требуются же, в основном, — рабочие профессии**. Может, так и надо? Может, так надо будет через 20 лет? Думаю, что задача федерального штаба образовательной отрасли — не в том, чтобы подкидывать идеи о «предшкольной подготовке», а в том, чтобы **формировать общую идеологию развития образования в стране**. **Образования, прежде всего, общего — как проблему образованности народа, поскольку большая часть наших проблем и сложностей — от слабости общего образования населения**. Пока общее образование у нас — весьма среднее... А постоянная фетишизация идеи ответственности общего образования, включая и дошкольное, задачам и требованиям высшей школы, пагубна и вредна для нации в целом. Если понимать образованность народа как некую совокупность общей просвещённости, достигаемую с помощью предметно-информационной составляющей общего

образования, определённой обученности молодёжи на основе трудового деятельностного направления школьной жизни и самое главное — **воспитанности, освоения нравственных ценностей, ценностно-ориентационного компонента** общего образования, то можно рассчитывать на то, что мы не будем тратить столько сил, энергии и средств на борьбу с пьянством, наркоманией, на беспризорных детей, на содержание многочисленных мест заключения и т.д., и т.п. **И только на базе общей образованности может быть результативной профессиональная составляющая образования.** Сегодня же почти всё наоборот: попытки ранней профориентации, предшкольное образование, как абсолютно враждебная возрастной психологии идея, предпрофильные и профильные классы — всё во имя странной идеи самоцельности вузовского образования. Какая, к чёрту, литература, история, культура — у него же выраженные математические способности! Вспоминается суд над Иосифом Бродским. У него спрашивают: «Где работаете?» «Я — поэт», — отвечает он, а ему пишут: «Тунеядец!..» Задача школы — исследовать склонности и привести к мысли о возможной профессии, а не заниматься профессиональной подготовкой в любой форме и даже там, где для этого нет условий.

По понятному ряду обстоятельств, школе никогда не решить задачу точного выбора возможной профессиональной деятельности.

Мы могли бы в нашей стране, имеющей ни с чем и ни с кем не сравнимый опыт, **сделать частью национального проекта дополнительное образование**, и в силу его нецензового характера, и учитывая огромные возможности для выбора, и абсолютное право ребёнка на ошибку, и в силу возможности безболезненной смены направления «творческой» деятельности. Дополнительное образование обладает почти немислимым для школы правом свободного творчест-

ва и ребёнка, и педагога — там возникает и формируется другая система межличностных отношений. В последнее время мы вольно или невольно загоняем дополнительное образование в угол, а его надо сделать аспектом национального проекта.

Кроме того, **стоило бы нам напрячься и вложить средства и душу страны в дошкольное образование.** Начать со строительства современных зданий и сооружений для малышей, добиться высокого уровня оплаты труда удивительных тружеников — наших педагогов-«дошколят» и с помощью национального проекта перейти от теоретического признания важности, я бы сказал, абсолютной важности этого периода в жизни человека к широкой практике полноценного дошкольного воспитания — все мы вышли из детства! Убеждён, это решит многие проблемы во всей вертикали образования, но главное — в будущем всего народа, всей страны.

Наконец, будь моя воля, я бы **назвал приоритетнейшим национальным проектом — педагогическое образование как специальную и важнейшую задачу государства и общества.** Что ни говори, а во все времена учителями славилась Россия, мы всегда были сильны ими. Но сегодня педагогическое образование явно отстаёт от быстро развивающегося мира, от школы. Привести бы наше педагогическое образование в соответствие со временем, убрать из него многое — то, что балластом тянется из прошлого и позапрошлого веков, омолодить его, начиная с состояния мыслей, методик, технической оснащённости, практической направленности...

В общем, размечтался я, думая об итогах реализации национального проекта, о его влиянии на системные изменения в образовании и повышение качества жизни народа, о расширении его «зоны действия». А бодливой корове, как известно, Бог рог не даёт...

А вот теперь самое время похвалить себя. Несколько лет мы ведём целенаправленную работу по формированию в области образовательного сообщества и посредством социального партнёрства с предпринимательскими, профсоюзными организациями, и путём вовлечения родителей в управление образовательными учреждениями, их участием в образовательном процессе — они принимают участие в «областных контрольных работах», в разработке проектов, когда родители, соседи, местная власть становятся партнёрами ребёнка в обсуждении проблем, источниками информации и т.д. Думаю, что именно поэтому активно откликнулись и выразили желание войти в состав экспертов и профсоюзы, в том числе и студенческие, и родительские объединения, и молодёжная палата областной Думы, и общественная организация «Семья — XXI век», и правозащитники, и другие общественные организации. Мало того, они проявили не только активность, но и высочайшую ответственность и прямо-таки ученическое прилежание. Ведь заявки на конкурс подали 175 школ из 57 муниципальных образований области, из них 46 — сельских школ, хотя сельских школьников в нашей области всего 18%. Что же касается учителей, то заявки на конкурс подали 565 человек, в том числе из сельской местности — свыше 20%. Таким образом, перед общественными экспертами стояла сложная и ответственная задача, ведь федеральная квота по нашей области была установлена довольно скромной: 72 школы и 241 учитель.

И ещё один вывод сделали мы для себя: работа, проводимая на протяжении последних 15 лет по освоению программно-целевого подхода к развитию образования в области — разработка содержательных программ развития каждого образовательного учреждения и образовательных программ, регулярная общественная презентация муниципальных систем образования и отдельных школ на межмуниципальных и областных годовых совещаниях работников и руководителей образования и, наконец, наличие в области уже второго поколения государственного образовательного стандарта (национально-региональный компонент) дошкольного, начального, общего и среднего (полного) общего образования — всё это обеспечило профессиональную смелость и открытость школ и учителей, их готовность к активному участию в национальном проекте. Думаю, что и высокое качество заявленных проектов обусловлено именно этим.

В общем, всё состоялось. И состоялось в соответствии с планами. И были праздники: и областной, и в муниципалитетах, и в школах. Пошли в ход выражения: «наши миллионщики», «наши стотысячники». Мне рассказывали, что одна учительница, заместитель директора школы, сама изготовила листовки «Мы — победили!» и расклеила их на улице. Были, конечно, и обиженные или обидевшиеся. Кто-то по неспособности благородно признать соседа лучшим, а кто-то потому, что

за чертой, проведённой после 72-го номера претендента, остались, к сожалению, школы с таким же рейтингом, как у последних в списке победителей.

А вот от чего я как руководитель испытываю искреннее удовлетворение результатами конкурса школ и учителей: во-первых, оттого, что в нашей сугубо промышленной и городской области сельские школы и сельские учителя не остались на обочине, а составили вполне достойную конкуренцию школам крупных городов и победили. И, слава Богу, нам не пришлось применять к сельским школам, поправку по квоте которая несколько позже необходимого появилась в телеграмме федерального министра. Может, и нескромно это, но думаю, что такой итог получен в результате системной работы с педагогическими коллективами.

Во-вторых, понятно, что все не могли стать победителями, мы даже знаем, что часть школ и учителей готовилась к участию в конкурсе, но не послала свои документы. И это тоже дорогого стоит: произошло достаточно пристальное, а главное — массовое «вглядывание в себя». Многие ещё раз задумались: а что же мы собой представляем? Что есть наше кредо? Куда движемся и чего достигли? Сам по себе этот факт глубокого осмысления своей деятельности отраден, бесценен и воспитывающ.

В-третьих, национальный проект серьёзно укрепил веру людей в себя и сработал на государство, на его имидж. В совокупности два фактора: перевод образовательных учреждений на финансирование по субвенциям из областного бюджета, что принципиально улучшило материальное положение и учителей, и самих школ, и реальные действия федерального Правительства и по отношению к классным руководителям, и по грантовому поощрению школ и учителей укрепляют людей в мысли о том, что государство хочет и — может! Когда хочет, конечно.

идут противоречивые сведения и установки... А в этих условиях уже начали проверять исполнение.

Такие вот воспоминания о думах и тревогах той поры. Тем не менее, все необходимые организационные и содержательные действия были осуществлены и «мероприятия проведены своевременно». Что касается дополнительного поощрения классных руководителей, то и здесь проблем не было, кроме тех, с позволения сказать, «технических сбоев», когда отдельные категории специалистов «выпали» из федеральных документов, и нам пришлось мобилизовать свои финансовые ресурсы, чтобы хоть как-то компенсировать несправедливость. Но это общеизвестная история, я бы даже сказал — обыкновенная история, и нет смысла на ней задерживаться.

Достаточно серьёзным испытанием для управленцев стали два других направления: инновационные школы и лучшие учителя. Понятно: не потому, что в области есть недостаток в таких учреждениях и таких людях, а потому, что надо было преодолеть общий стереотип подхода к выдвижению лучших. Известно, как происходит у нас зачастую определение и поощрение передовиков: муниципальный орган управления образованием представляет бумаги нам, мы, в свою очередь, поощряем сами или представляем ходатайство в федеральные органы. Такой весьма замкнутый, сугубо внутренний процесс чиновничьего субъективизма, не исключающий, правда, как попадания в «яблочко», так и стрельбы в «молоко». Здесь же по проекту **предстояло полностью исключить муниципальные органы управления образованием, как структуру, принимающую решения, кому дать право участвовать в конкурсе, а кого лишить этого права. Исключить даже аппарат самого министерства как высшей оценивающей и принимающей решения инстанции и привлечь мало понятную общественность.**

С муниципалитетами было ещё сложнее. Известно, что Федеральный за-

кон «Об образовании» не даёт им никаких полномочий, касающихся вопросов содержания образования. В принципе орган государственной власти, уполномоченный управлять системой образования, должен бы напрямую работать с образовательными учреждениями, но, как известно, привычка — вторая натура, да и сами мы часто для упрощения своих обязанностей провоцируем муниципалитеты на осуществление не свойственных им функций.

Что же касается органа государственной власти субъекта Федерации, то тут опасность заключается в другом. Известна почти святая вера наших людей в высокое предназначение начальников, которые рассудят и присудят (имеют в виду призовые места). Могу говорить об этом хотя бы потому, что продолжаю получать жалобы работников нашей отрасли по трудовым спорам даже после решения суда. И это несмотря на то, что, скажем, к оценке сочинений выпускников, претендующих на медаль, я практически отношения не имею. Но всё равно пишут: «прочтите сами» и т.д. При реализации проекта, при организации конкурса задача заключалась в том, чтобы убедить людей: не чиновники будут решать, кто есть кто. Думаю, кое-кто из коллег, читающих эти строки, процедит сквозь зубы: «Ну вот, признался публично, что не пользуется доверием людей, с которыми работает...». А дело-то совсем в другом: ни у кого не должно было возникнуть сомнения в том, что начальники здесь не командуют. А сомнения могли возникнуть: как же без начальственного мнения? Ведь замечательных школ у нас в области много, а квота — многократно меньше.

Таким образом, **условие ведущего участия общественных организаций в конкурсе школ и учителей стало важнейшим фактором этой части национального проекта, определяющим и этап становления гражданского общества в стране, а в нашей отрасли — формирование образовательного сообщества, и серьёзнейшей проблемой для организаторов, поскольку оказалось, что дееспособных общественных организаций у нас не так уж много.** Поэтому с самого начала задача выглядела как информационная: необходимо было подробнейшим образом проинформировать как потенциальных участников конкурса, так и население области или, выражаясь штампом, — широкую общественность. Наверное, до сих пор трудно ответить на вопрос: что сложнее и что важнее было сделать? Что касается образовательных учреждений и педагогов, то тут важно было не только дать исчерпывающую информацию, и сделать её достоянием каждого, но и чтобы она была способна снять тот налёт недоверия а точнее — даже неверия, который всё-таки ощущался в значительной степени и у руководителей, и у педагогов. С населением или общественностью ещё сложнее: большинство интересуется, как известно, то, что непосредственно может как-то конкретно повлиять на его жизнь, а тут — какой-то национальный проект... Что-то вроде приснопамятной Продовольственной программы...